

между рекой и позициями фламандцев. Пока рыцари барахтались в грязи, стараясь набрать скорость, чтобы обрушиться на ряды неприятеля, этот последний сам бросился вперед, перехватил инициативу и напал на воинов в доспехах, оказавшихся в весьма тяжелом положении. Алебарды (фламандцы называли их «гудендагами» – «добрый день») разрезали кольчуги, щиты и шлемы, как горячий нож кусок сливочного масла.

Дрогнули французские рыцари. Они попытались бежать, но им пришлось двигаться по топкой долине, в середине которой протекала быстрая река. В панике и беспорядке рыцари сгрудились на берегу реки. Те, кто достигли реки первыми, стали двигаться вдоль берега, стараясь отыскать мелкое место для переправы, но напиравшая масса других рыцарей сталкивала их в воду; они падали и сотнями тонули в мутной илистой речке.

У горы Моргартен произошло нечто подобное. Причины, приведшие к этому сражению, весьма сложны и запутаны, и мы не будем их касаться. Но вкратце дело сводилось к следующему: в 1314 году на трон Священной Римской империи были избраны два соперничавших короля, и один из кантонов Швейцарии, Швиц, решил, воспользовавшись всеобщей смутой, выйти из состава империи и провозгласил свою независимость. Брат одного из императоров, герцог Леопольд Австрийский, во главе рыцарского войска был послан принудить швейцарцев к должной покорности. Итак, в один из ноябрьских дней 1314 года эта армия двигалась по дороге к горной стране. Швейцарцы же блокировали все дороги, кроме одной, по которой и двинулись неподготовленные и самонадеянные австрийцы. Дорога эта вилась между крутыми холмами и озером, и там, где пространство между озером и холмами было самым узким, швейцарцы завалили и эту единственную дорогу. На заросшей лесом вершине горы они устроили засаду, предварительно повалив множество деревьев, стволы которых очистили от ветвей и сучьев, чтобы получившиеся бревна могли катиться по склону. Приготовившись таким образом, швейцарцы стали ждать.

Вскоре показался авангард австрийской колонны. Ничего не подозревая, беспечные австрийцы, которые не позаботились даже выслать вперед разведчиков, бодро продвигались по дороге, пока не наткнулись на завал. Авангард остановился, но остальные – в середине и в хвосте колонны, не зная, что произошло, продолжали двигаться, обтекая передних, и, таким образом, вся масса рыцарского войска заполнила узкий луг между озером и подножиями крутых холмов. Рыцари столпились в теснине, прижатые слева к озеру, а справа к склонам, покрытым сонным осенним лесом. Внезапно из этого мирного идиллического леса раздался оглушительный крик тысяч мощных глоток; по склонам покатались огромные бревна, сбивавшие с ног австрийских коней. За бревнами вниз по склонам бежали швейцарцы. В мгновение ока набросились они на дрогнувших рыцарей, поражая их страшными алебардами и рубя шлемы с такой легкостью, словно те были сделаны из картона. Швейцарцы без труда отрубали рыцарям руки и ноги, защищенные только кольчугами, обезглавливали благородных коней. Застигнутые врасплох рыцари дрались как львы, но что они могли сделать? Оставшихся в живых столкнули в озеро; те немногие, кто смог длинными мечами отразить удары алебард, проложили себе путь сквозь тесные ряды и ударились в бегство. В течение нескольких минут массы людей сражались на одном месте, но вскоре, поняв, что швейцарцы оказались на высоте положения, и осознав его полную безнадежность, рыцари, находившиеся в тылу и не принимавшие участия в схватке, повернули коней и бросились отступать, оставив изрубленным более трети своего войска. Так закончилась одна из самых кровавых битв Средневековья.

После этих двух сражений военным стало ясно, что кольчуги – даже если ее укрепить металлическими бляхами и пластинами – явно недостаточно для защиты. Хотя кольчуга и доказала свою эффективность против любого другого – старого – оружия, она оказалась совершенно бессильной перед лицом новой ужасной угрозы. Доспехи были усилены. Теперь, помимо кольчуги, руки и ноги защищались металлическими пластинами; кроме того, на кольчужную рубашку надевались металлические латы. Вооружение, кольчуга и вся амуниция рыцаря, таким образом, стали хоть и прочнее, но более тяжелыми и неуклюжими.